

manuscripts. A direct object expressed with a simple accusative of transitive verbs describes most often an object which represents aim of the action. A range of verbs with which a non-prepositional accusative appeared to mark an object to which an action is aimed was much wider in Ancient Russian language. There were verbs conveying meaning of feelings, thinking and speaking in this group. These verbs could be also accompanied with a prepositional construction in Ancient Russian. Ancient Russian language did not strictly differentiate occurrences where the accusative expressed a direct object, on which an action of a subject was focused, and when it is an indirect object, on which an action of a subject is not focused but it was located in area of its interest. Contemporary Russian language distinguishes direct and indirect object. In Ancient Russian language a simple, non-prepositional accusative was used also in such instances where contemporary Russian language permits only constructions with a preposition.

Simple, non-prepositional accusative was also used in its adverbial sense for marking time and place in Ancient Russian language. It can be stated that Ancient Russian constructions of adverbial of place correspond more with the current state than constructions representing adverbial of time. Nevertheless, it is necessary to emphasise that using a non-prepositional accusative with semantics of place was limited in Ancient Russian language and those constructions were consequently replaced by constructions with prepositions.

Discussion: Non-prepositional constructions were very widespread in Ancient Russian language. Within historical development they were mostly replaced by constructions with prepositions which described functions earlier conveyed by simple cases in more accurate and differentiated way.

Keywords: simple accusative, case system of Russian, direct object, transitive verba, predicative, historical development of Russian

Vitae

Aleš Brandner is a Candidate of Philological Sciences (candidatus scientiarum), a Associate Professor of Department of Slavonic Studies at Faculty of Arts of the Masaryk University in Brno (Czech Republic). He lectures on contemporary and historical grammar of Russian language. His professional focus is a research of historical comparative morphematics of Russian and Czech languages and a survey of developmental tendencies in contemporary Russian language.

Correspondence: brandner@phil.muni.cz

Майя Всеволодова

УДК 81'373.217(23)

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ОБЪЕКТИВНАЯ ГРАММАТИКА И КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Статтю присвячено деяким питанням сучасної граматики в їхньому відношенні до слов'янських мов та у відношенні слов'янських мов до мов інших типів. Сучасний стан функційної граматики, тобто граматики, пов'язаної не лише з виокремленням і описом одиниць і виділених у граматиці категорій, але й із їхнім функціонуванням у живому мовленні, у спілкуванні, демонструє необхідність зміни погляду на сам статус Мови як структури світобудови, що дає змогу вийти на систему Мови взагалі та кожної конкретної мови зокрема.

Ключові слова: об'єктивна граматика, граматика прийменника, функціонально-комунікативна лінгводидактична модель мови, категорія граматикалізації.

Исследования в русском языке в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка (РКИ) и в рамках межславянского проекта исследования предложных единиц – очень разные по своей направленности и содержанию модели, – тем не менее, выявили один интересный аспект современной лингвистики, в том числе и славистики. Это необходимость изучения любого языка во всей его полноте, не ограничиваясь так называемой нормой, которая в любом языке в разных своих аспектах меняется даже на протяжении жизни одного человека и научного направления, которое можно было бы назвать «нормативистика».

Наши материалы по предложным единицам в сопоставлении с другими славянскими языками показали, что грамматики предлога пока нет. Интересно, что предложные единицы представляют собой строго категоризованную структуру, по отношению к которой оправдывается определение А.В. Бондарко о двуединстве в языке поля и категории. А сопоставление славянских языков с корейским языком показывает специфичность славянских языков по сравнению со всеми другими известными языками мира в отношении роли актуального членения в предложении-высказывании и позволяет понять некоторые проблемы, связанные с категорией членов предложения. И это вопросы граматикализации – собственно грамматического осмысления далеко не всегда отмеченных в наших грамматиках языковых явлений, часто называемых фразеологизмами.

I. Основы теоретического подхода. Данная статья основана на положениях одной из моделей функциональной грамматики русского языка. Соответственно представим, во-первых, главные положения

нашего подхода, а во-вторых, то представление о Языке и языках, которое сформировалось в процессе нашей практической работы в течение более чем полувека.

В настоящее время лингвисты осознали понятие “модель языка”. Модель языка формируется в процессе решения лингвистом его конкретных задач. В современной грамматике существует подход, называемый “функциональным”. Это понятие возникло в пятидесятые годы XX века, когда в Советском Союзе с 1948 года началось системное преподавание русского языка как иностранного студентам и аспирантам из стран народной демократии, как тогда назывались страны, попавшие после окончания II Мировой войны под влияние СССР.

Студенты и аспиранты из этих стран системно стали приезжать в СССР на основе официальных межгосударственных соглашений. В течение первых трех лет занятия с ними вели преподаватели кафедр русского языка, и специальных кафедр по преподаванию русского языка как иностранного (РКИ) не было. Были секции в составе кафедр. В 1951 г. в МГУ туда впервые распределили студентов-выпускников. Именно мы (мне посчастливилось быть в их числе) вскоре поняли, что мы учим общению на языке, то есть функционированию языка во всех типах его реализации. И что абсолютно никаких материалов в нашей учебной и теоретической литературе для нас нет. Мы назвали нашу грамматику функциональной. Справедливость такого подхода подтвердил чуть позже и Андре Мартине, работавший в области преподавания французского языка как иностранного со своей “Функциональной грамматикой французского языка”. В России это была первая функциональная модель, объектом которой является система и функционирование русского языка. В настоящее время функциональная грамматика в России представлена тремя моделями:

1. Наша функциональная-коммуникативная лингводидактическая модель (Amiantova);
2. Функциональная грамматика А.В. Бондарко, введшего в середине 60-х гг. понятие функционально-семантического поля, или функционально-семантической категории (что на самом деле не одно и то же (Vsevolodova “Grammatika slovosochetaniј v kontekste”). Объектом и предметом интереса А.В. Бондарко является собственно морфология и, в первую очередь, аспектология (Bondarko “K probleme funkcional'no-semanticheskikh kategorij”). Самое важное, что он говорит о двуединстве поля и категории. На самом деле, здесь должна быть другая формулировка, но в принципе это определение одно из его важнейших положений и для нашей модели.
3. Функциональная грамматика Г.А. Золотовой (Zolotova), целью которой является создание инструментария анализа языка художественного текста. Г.А. Золотовой выявлено и введено несколько положений, принципиально важных для всей грамматики и подтверждающих пересечение уровней морфологии.

Отметим основные характеристики этого понятия:

1) Модель не может быть неправильной, она может быть “другой”, что не исключает конкретных ошибок, возможных в любой модели, в том числе и в нашей.

2) Модель может открытой и закрытой. Наша модель – открытая. Мы принимаем все единицы, явления, определения, выявленные другими исследователями, если они корректны для нашей модели, всегда ссылаясь на автора. Аспекты, которые “не работают” в нашей модели, если это не элементарные ошибки, мы не критикуем. Модель Г.А. Золотовой – закрытая: автор не соглашается с другими подходами.

Что касается нашей модели, то практика и анализ языкового материала в практических целях определили необходимость выделения следующих аспектов:

1. Любое явление в нашей модели должно быть объективно аргументировано. Необходимо выявление инструментария, доказывающего правомерность данного определения. Первая такая работа была выполнена на материале польского языка Т.С. Тихомировой в 1972 г. (Tihomirova), что доказывает значение этого принципа для всей лингвистики. Сейчас найдены и другие способы, и с некоторыми мы встретимся ниже.

2. Наша практика показывает, что язык художественной литературы и то, что считается “литературным языком”, во-первых, далеко не охватывает реальное употребление языка разных профессий и специальностей, где в научной и профессиональной речи системно употребляются “ненормативные” словоформы и конструкции, некоторые из которых мы ниже покажем, но которые, как оказалось входят в парадигму данной единицы, если учитывать все узуальные реализации. Во-вторых, в разных районах России системными оказываются реализации, не отмеченные в словарях. Так, в Москве нормальной является реализация пары *сварить – испечь*; в Хабаровске высококвалифицированные филологи-русисты реализуют её как *сварить – печь*: *Я спекла пирожки*. Словари этой реализации предлога *печь* не отмечают. В-третьих, у нас в русистике нет соответствующего направления, которое занималось бы изучением нормы, её истории, способов её изменения и распространения. Нет нормативистики. А наш материал показал, по крайней мере, два типа изменения нормы: периодическую смену синонимов (*касаемо / касательно кого-чего*) и постепенное пословное изменение реализации единиц определенной группы (*учители, профессора / учителя, профессора*) (Vsevolodova “Jazyk: norma i uzus”) И в-четвёртых, сейчас фактически нельзя говорить о просторечии, даже в сельской местности. Соответственно, стоит выделить три актуальных для нашего времени аспекта:

1) Введение объективной грамматики (Peshkovskij “Obyektivnaja i normativnaja tochka zrenija”), поскольку носитель языка не может говорить на своём языке с ошибками – язык позволяет ему нарушить норму, которая постоянно меняется даже на протяжении жизни одного человека, но не позволяет выйти за

рамки системы языка, которая, думается, еще ни для одного славянского языка не представлена. А эта система может быть выведена только на полном материале каждого языка.

2) Осмысление изменившейся стилистической структуры русского языка¹. Со времен М.В. Ломоносова выделяли низкий, средний и высокий стиль. После А.С. Пушкина, использовавшего высокий стиль для передачи эмоционального состояния своих героев, появились литературный стиль, основанный на языке художественной литературы и расширенный в середине XX в. В.В. Виноградовым за счет некоторых других сфер, и разговорный стиль с просторечием на периферии. В современной русистике никто из наших ведущих лингвистов не говорит о просторечии. Говорится о языке естественного общения (Bulygina), спонтанной речи (Nikolaeva), узусе (Sirotnina). Введено понятие функционального стиля, например, *научный стиль, деловой стиль*.

3) Наш материал показывает, что для нашей модели языка рационально следующее представление стилей: языки художественной литературы и фольклора, на которых никто не общается; язык речи естественного общения и профессиональные стили. Важно, что человек, постоянно работающий в своём профессиональном стиле, употребляет характерные для этого стиля единицы и в речи естественного общения. Поэтому бесполезно, например, просить слушателя военной академии или будущего медика употребить предлог *согласно* с Дат. п., поскольку вся армия и вся медицина употребляют его с Род. п.: *согласно приказу, согласно выявленного заболевания*. Все служители церкви *совершают молебен, обряд венчания, крещение* и т. п., и их раздражает, когда прихожане просят их *провести молебен* или *крещение*. Но в речи естественного общения *молебен, венчание* и другие церковные обряды относятся к общественным мероприятиям типа *собрание, обсуждение, осмотр, экскурсия* и под., для которых дескрипция (словосочетание, где грамматически главное слово – экспликатор – является семантически ослабленным по сравнению с зависимой словоформой (Kibrik), в данном случае, описательный предикат (термин В.А. Белошапковой, “коллокат” в модели Ю.Д. Апресяна (Arpesjan)), в который они входят, формируется в большинстве случаев глаголом *провести / проводить: провести собрание, конференцию, обсуждение*. Не зная специфики профессионального церковного стиля, прихожане, в том числе и ведущие ТВ и сотрудники других средств массового общения, употребляют общий для данного класса существительных экспликатор (Vsevolodova “Slovosochetanie v novoj paradigme grammatiki”).

4) Учет профессиональных стилей и языка речи естественного общения показывает, что в Языке, в отличие от популярного в своё время в лингвистике положения о невозможности в грамматике синонимов в силу закона экономии (якобы главного для Языка) практически все грамматические категории имеют часто многочленную парадигму морфосинтаксических синонимов. Один и тот же предлог в одном и том же значении может управлять разными падежами. Так, все русские предлоги со значением отношения двух объектов, явлений, действий имеют четырёхчленную парадигму: *согласно / аналогично / в противоречие / встык / в пику / в противоположность* и мн. др., включая предложенные французские *в пандан / визави: согласно приказа / согласно приказу / согласно к приказу / согласно с приказом, выборы прошли в противоречие закона / закону / к закону / с законом, сидеть визави Анны / Анне / к Анне / с Анной*.

5) Языковой материал показывает, что в традиционной, “нормативной” грамматике не представлены очень многие явления, абсолютно системные для языка. Среди них есть и такие, которые “нарушают” многие правила традиционной грамматики, то есть, должны быть признаны ошибочными, и которые нельзя объяснить грамматически. Но они связаны с определенными грамматическими категориями и выявляют свойства языка и грамматические явления, не учитываемые в традиционной грамматике. Так, абсолютно системное для русского языка предложение типа *поднялось / поднялись две / тридцать три / сто четыре детские* (Им. п. мн. ч.) / *детских* (Род. п. мн. ч.) *рук* (Род. п. ед. ч.) грамматически объяснить невозможно. Некоторые другие факты представлены ниже.

6) Всё сказанное выше и многое другое, в частности, тот факт, что в нашей функционально-коммуникативной лингводидактической модели невозможно корректно представить факты русского языка без выхода в другие языки, в особенности, в славянские, но и в язык нашего ученика, подводит к выводу, что грамматика как наука переходит на следующий уровень, наше понимание которого мы постараемся показать. Для нас важно, что одна и та же единица может иметь даже в близких языках разные морфосинтаксические реализации. Покажем это на примере словоформ глагола *быть*. Наши грамматики не отмечают, что глагол *быть* как в своём словарном значении, так и в функции связки в настоящем времени в восточнославянских языках потерял категорию лица и, фактически, числа, ср. старорусское *есъм – еси – есть – есьмы – есте – суть* и современное: *я есть – ты есть – он есть – мы есть – вы есть – они есть*. В южно- и в западнославянских

¹ Именно в нашей модели языка с самого начала было отмечено, что студентам и аспирантам разных факультетов требуется свой языковой материал. С одной стороны, их нельзя учить русскому языку только на языке художественной литературы, хотя “обильное чтение” её (наш рабочий термин) принципиально необходимо для развития речи, с другой стороны, чтение учебной литературы (а это один из разрядов научного стиля) необходимо им с первых дней учёбы. Была в определённой степени выявлена специфика именно научной речи (Lariohina “Osobnosti izuchenija sintaksisa”; Lariohina “Sbornik uprazhnenij po sintaksisu”; Lariohina “Voprosy sintaksisa nauchnogo stija”). работа с аспирантами показала, что языки разных, иногда даже близких специальностей – это разные стили. Так, язык литературоведения и язык лингвистики в русском языке – разные стили.

языках эти категории у соответствующего глагола есть. Отметим, что нуль-форма глагола *быть* в наст. вр. в обоих семантических вариантах характерна только для русского языка и выступает обычно только в позиции темы и ремы: *Закон есть закон. Есть у меня одна интересная вещь.*

II. Специфика современного подхода к грамматике. Назовём основные аспекты.

1. Следует признать вновь высказываемое в лингвистике вслед за В. фон Гумбольдтом (Humboldt) и А.А. Потебнёй (Potebnja) и подтверждённое концепцией А.В. Бондарко (Bondarko “К проблеме функционально-семантических категорий”) признание Языка одной из единиц мироздания, основными структурами которого являются поля и дискретные единицы разных уровней, образующие пересекающиеся множества. Все единицы Языка, как показывает материал, несмотря на свой категориальный характер, имеют полевую структуру, см., например, (Vsevolodova “Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa”). Напомним, что первым выделил в Языке семантические поля для лексики Й. Трир. Затем А.В. Бондарко ввёл понятие функционально-семантического поля (ФСП). Наш материал показал, что есть и функционально-грамматические поля (ФГП). Можно говорить и о функционально-коммуникативных полях (Izotov).

2. Специфика Языка состоит в том, что, будучи средством общения, он одновременно является средством объективации нашего мышления, которое категориально, причем, как утверждают систематологи, человеческому мышлению свойственны бинарные (дихотомические) оппозиции, причем многограновые, выделенные в математической логике (Omel'chenko; Markus). Напомним, что первым использовал эти оппозиции Н.С. Трубецкой в своей “Фонологии”, затем для синтаксиса их разработал Т.П. Ломтев (Lomtev). А работы, выполненные в нашей модели языка в целях описания русского языка для преподавания его инофонам, показали корректность этих категорий для очень разного языкового материала. ФСП, как оказалось, формируются несколькими функционально-семантическими категориями (ФСК), или системами значений (Vsevolodova “Polja, kategorii i koncepty”), как, например, именная темпоральность, глагольная темпоральность (Vsevolodova “Sistema znachenij i upotreblenij”), система значений (ФСК) сложных временных предложений и пр. А ФГП – одной функционально-грамматической категорией (ФГК), например, категорией предложных единиц, категорией биноминативных предложений (Vsevolodova “Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa”). Помимо этих категорий вторым важнейшим типом языковых единиц являются парадигмы, соответствующие множествам дискретных единиц. Как оказалось, в категории предложных единиц несколько парадигм. Большинство из них представлены в (Vsevolodova “Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa”), но работа над предлогами позволила увидеть ещё одну парадигму первичных (“немотивированных” – в нашей модели) предлогов – парадигму по позициям (в принципе, все позиции в названной работе представлены, но не осмыслены как парадигма). Представим эту часть парадигмы. Первичный предлог может занимать позицию:

1) в препозиции к имени и образует с ним словоформу, часто свободную или обусловленную: *к выходу, к счастью, к брату, к вашему сведению; в лес, в лесу, из леса; вороны каркают – к дождю; по Ломоносову; от мамы; для ребят; на стол, со стола, под столом, над столом, перед уроком, до обеда* и пр.;

2) в препозиции к имени, выступая по требованию валентности распространяемого именной группой слова: *стремиться к чему, смеяться над кем, любовь, ненависть, презрение к кому-чему* (ср. *презирать. ненавидеть, любить кого-что*);

3) в постпозиции к имени, часто принимая при этом на себя тематическое или рематическое ударение: *Работаю не только славы ради, но и денег для.* В этой позиции невозможны предлоги *к, с* даже в своем варианте с гласным *ко, со*. Кстати, именно способность, в частности, вторичного предлога встать в постпозицию является первым шагом к онаречиванию, ср.: *обойти вокруг дома – обойти дом вокруг.* Как показал наш материал, не наречия образуют предлоги, а предлоги могут переходить в наречия. Предлоги – это повтор приставки: *влюбиться в девушку, вляпаться в лужу, вцепиться в соседа и под., накричать на брата, наехать на дерево, наброситься на кота.* В старорусских текстах отмечены сочетания типа *судно пристало острову, судно отплыло острова*;

4) в интерпозиции между двумя именами. Это может быть одно и то же существительное; в этом случае первое имя может стоять в зависимости от позиции именной группы в предложении как в Им., так и в Тв. п.: *шкафы стоят стенка к стенке / стенкой к стенке; Они стояли спина к спине / спиной к спине*; или в Им. и Вин. п.: *читал книгу за книгой / книга за книгой, обошел всю деревню, изба за избой / избу за избой.* В некоторых случаях возможен только Им. п.: *сидит нога на ногу.* Эта группа предложных реализаций пока не изучена и не описана. Это могут быть разные существительные. Пока известна только реализация типа (*стоять*) *спиной к окну, (лежать) головой к стене, (дом стоит) окнами во двор.* Это единая структура, которую нельзя разделить, ср.: **Он стоял спиной / *Он стоял к окну.* Такие предлоги иногда относят к фразеологизмам. Некоторые из таких реализаций действительно могут фразеологизироваться: *Наша московская группа и наша новосибирская группа работают плечом к плечу.* Но в случае *Ребята образовали цепочку и стояли плечом к плечу* – это собственно однопредложная именная группа. И значит – это одна из грамматических реализаций первичного предлога;

5) в постпозиции ко вторичному предлогу и определяться его валентностью, но управляя именем: *в связи с чем, по отношению к кому-чему.* Ср.: *связываться с чем, относиться к кому-чему*;

б) в постпозиции ко вторичному предлогу, теряя свою семантику и определяя падежную форму имени – функция экспликатора, ср.: *дом вблизи моря / вблизи от моря / вблизи к морю / вблизи с морем / вблизи до моря*. Значит, у предлога есть и функциональная парадигма: собственно предлог, экспликатор, конкретизатор, например, когда наряду с базовым предлогом выступает второй, уточняющий количество, ср.: *пришли / пришло пять студентов – пришли / пришло около пяти студентов*; и: *говорил с порядка пятью студентами / с порядка пяти студентов / с порядка пяти студентами*; – где каждый предлог может управлять всем квантитативом *пять студентов*, или каждый предлог “своим” членом квантитатива. В грамматиках мы этого не найдём. Все такие образования суть абсолютные синонимы и формируют морфосинтаксическую парадигму базового предлога *вблизи*. В морфосинтаксической парадигме могут выступать и редупликаты – предлоги-синонимы, ср.: *к вопросу китайской революции* (статья Сталина) – *о китайской революции* – *насчёт китайской революции* – *к вопросу о китайской революции* – *к вопросу насчёт китайской революции*. Это возможно не во всех языках и объясняется стремлением славянских языков, в том числе и русского языка, максимально выразить тот или иной, важный для говорящего, смысл.

Очень многие из таких реализаций грамматика, в каждом языке по-своему, принимает и утверждает, в результате чего они входят в систему и в норму языка естественного общения, в сферу научных стилей и языка средств массовой информации. Этот процесс формирования языком своих форм, структур, категорий и есть процесс и одновременно категория *грамматикализации* (Maysak).

Как показывает практически весь наш материал, и категории, и парадигмы имеют полевой характер и зоны пересечения, которые в рамках традиционной грамматики трудно объяснить, а иногда и понять, что подтверждает представление о Языке как о структуре мироздания. Мы вернемся к этим проблемам ниже.

III. Язык вообще и каждый язык в частности есть система. Ни одна система не может быть объяснена в рамках самой этой системы. Необходим выход за эти рамки. Для каждого конкретного языка есть два выхода – в другой язык и в историю языка, в диахронию. Покажем это на двух примерах.

3.1. В своё время В.В. Виноградов, вслед за А.А. Шахматовым, отделяя уровень словосочетания от уровня предложения, открыл и вывел категорию предикативности: модальность, время, лицо. В начале 70-х гг. прошлого века С.Д. Кацнельсон (Kacnel'son) и П.А. Лекант (Lekant) ввели понятие дополнительной категории – категории предикации, или предикирования: “о чём говорим” и “что говорим”. Как оказалось, механизмом категории предикации является актуальное членение, выявленное ещё в 1946 году чешским лингвистом В. Матезиусом (Matezius), но в русистику вошедшее в 1976 г. после книги И.И. Ковтуновой (Kovtunova), а главным механизмом реализации в славянских языках – интонационные конструкции (ИК) Е.А. Брызгуновой, выделенные ею в конце 60-х гг. ИК могут падать только на тему (“о чём говорим”) и рему (“что говорим”), и порядок словоформ (не порядок членов предложения – ЧП) в предложении, который является не “свободным”, по сравнению с грамматикализованным порядком слов (ЧП) в неславянских языках, а функциональным. Сопоставление с корейским языком показало, что все наши предложения в любом виде текста в корейском кончаются частицей *ta / da*, а рема, независимо от её места в предложении, выделяется частицей *i / ki*. Но предложения, выступающие в номинализованной функции (названия картин типа *Грачи прилетели. Не ждали. Осенний день. Сокольники*, и заглавия печатных текстов или подписи под фото и т. п.) – таких показателей не имеют. Это значит, что мы общаемся во всех видах общения – от монолога и диалога до многогомого романа – не просто предложениями, а предложениями-высказываниями. И функционирование языка нам нужно изучать на уровне предложения-высказывания.

3.2. Выше говорилось о “неграмматичности” предложений с подлежащим-квантитативом типа *поднялись / поднялось две / двадцать две / тридцать три / сто четыре детские / детских руки*. Понять эту структуру позволяет история языка. Как известно, в старославянском было три формы числа существительного: ед. ч., мн. ч. и двойственное число (дв. ч.), ср. формы *глазá, бокá, берегá, розá, рукавá*. Ударное **á** было окончанием дв. ч. слов муж. р.² У некоторых слов муж. р. эта форма совпадает с формой Род. п. ед. ч. (*два, оба*) *столá – около столá*. То же верно и для некоторых слов ж. р.: числительные *три, четыре* сочетались с формой мн. ч.: *два столá – три / четыре столы*. В какое-то время категория дв. ч. стала выходить из языкового сознания славян, стала распадаться как категория числа, а совпадение форм дв. ч. и Род. п. ед. ч. привело носителей русского языка к осознанию формы дв. ч. как формы Род. п. ед. ч., поэтому даже названия парных предметов типа *глазá, берегá* стали восприниматься как собственно мн. ч., и вместо формы на **-á** мы употребляем форму Род. п. ед. ч. *оба глаза*; а в квантитативе в русском языке к нему присоединились и *три, и четыре* не только в разряде простых, но и составных числительных. В западнославянских языках, наоборот, *два* присоединилось к *три и четыре*, ср. польск. *dwa / trzy / cztery stoły*. В украинском и белорусском языках слова муж. и ср. р., как и в западнославянских, выступают в таких квантитативах в форме мн. ч., а слово жен. р. – в Род. п. ед. ч. В болгарском языке, потерявшем категорию падежа (кроме звательного, в котором реализуется категория одушевлённости) для слов муж. р. сохранилась форма на **-á** со всеми числительными: *стол – столове*

² Происхождение этой формы из старого дв. ч. подробно рассматривается в (Obnorskiĭ “Imennoe sklonenie v russkom jazyke”; Obnorskiĭ “Očerki po istorii russkogo literaturnogo jazyka”; Aksakov; Potebnĭja; Bogorodickij; Sobolevskij; Peshkovskij “Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii”; Selishhev; Florinskij “Lekcii po slavjanskomu jazykoznaniju” Vol. 2). Но есть и другая, тоже обоснованная точка зрения, например, у А.А. Зализняка (Zaliznjak 547).

– два / нет / сто и еден столá; категория счётного множества. Как видим, каждый язык грамматикализовал такие словосочетания (с/с) по-своему. Но этот и другие факты, связанные с историей языка, позволяют и даже заставляют сделать некоторые выводы.

IV. Как известно, каждое изменение в языке происходит, в буквальном смысле, пословно. Категория дв. ч. в русском языке, распавшись на грамматическом уровне, осталась в языке в том смысле, что старая форма дв. ч. слов муж. р. на -á стала распространяться как форма Им. п. мн. ч. слов муж. р. на согласный. В грамматике М.В. Ломоносова 16 слов на -á муж. р., из которых только два: *глазá, бокá*, – он выделяет как не имеющие системного окончания на -и / -ы. В Грамматике Российской академии наук 1863 г. уже 46 таких слов. В текстах XVIII в. ещё *домы* и *города*. Форма *учителя* появилась в начале XX в., и до 50-х гг. в советских школах учили, что *учителя* работают в школах, а Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – *учители* марксизма. Ср. у Пушкина: *И за учителей своих заздравный кубок поднимает*. Форма *профессора* появилась в начале 50-х гг. Сколько и какие слова уже приняли это окончание сейчас – никто не знает. В речи технарей системны реализации *инженерá, слесаря́, токаря́*. А поскольку представители профессионального стиля и в языке естественного общения употребляют свои специфические формы, и людей, работающих с техникой, много, они частотны в нашей речи, и некоторые словари уже дают их как системные синонимы. В канцелярском стиле давно употребляется форма *договора́*; для медиков, астрофизиков, ботаников системна словоформа *слоя́*: *верхние слоя роговицы глаза чувствительны к ...; верхние слоя звёзд ведут себя не как внутренние слоя; Дерево развивается изнутри, поэтому поверхностные слоя дерева менее плотные, чем внутренние слоя*. То же в кулинарском стиле: *все слоя торта пропитать сладкой подливкой*. Но в русском языке сохранились два слова, выступающие при числительных *два, три, четыре* в форме дв. ч.: *два часа́, двадцать три шага́*. Для последнего уже системна и форма *два шага́*, слово *час* может выступать в Род. п. ед. ч. при определении: *два аудиторных часа́, три долгих часа́*. То, что форма *часа́, шага́* – рудимент дв. ч., говорит тот факт, что в падежной парадигме ед. ч. этих слов нет словоформы с таким ударением.

Уже этот факт доказывает, что историю языка трудно отделить от современного языка. Где она кончается? То, что происходит сейчас в нашем языке, станет фактом истории через некоторое время. В русском языке сейчас идёт активная перестройка категории числительных. Употребление форм типа *шестьста, двести пятидесяти, число медалей – сорок один*, воспринимаемых как ошибки, частотно и в речи высокообразованных людей, журналистов, и в публицистике, в разного рода рекламных плакатах. Сайт в Интернете, посвящённый правильности речи и русской грамматике, даёт парадигму числительного *шестьсот сорок*: Им. п. *шестьсот сорок*; Род. п. *шестьста сорока* вместо нормативного пока *шестьсот сорока*. О некоторых интересных фактах в категории числительных и в категории количественности, включающей в себя числительные, скажем ниже. Несомненно, что аналогичные процессы в рамках тех или иных категорий происходят в каждом славянском языке, и через 20-30 лет то, что нам представляется ошибкой или “неграмотностью”, будет представлено нашими будущими коллегами в словарях и грамматиках в качестве нормы, поскольку для многих носителей языка того времени именно эти, неправильные для нас формы будут на тот момент истории единственно правильными. Изменения так называемой нормы для отдельных слов (в языках с незакреплённым местом ударения и для ударения), словоформ и структур происходят многократно и, как уже сказано, пословно. Проблема еще и в том, что, по крайней мере в русистике, пока нет такого направления, как нормативистика, и одни и те же словоформы часто даже в среде филологов оцениваются по-разному. Так, в словарях и грамматиках представлены две реализации предлога *в бытность*: *в бытность кого где* и *в бытность кого кем*. Лет 12-15 назад в телевизионном ток-шоу из уст артиста в роли прокурора прозвучала фраза: ***В бытность моей учёбы в университете молодожёны ездили в ЗАГС на трамвае***. К моему удивлению (я встретила с такой реализацией предлога *в бытность* впервые), для моих коллег, ведущих морфологов филологического факультета МГУ профессоры О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарпова эта реализация была совершенно нормальной. Как показал материал поисковых систем Интернета, действительно, эта структура представлена большим количеством употреблений, но кроме неё есть и такие, как *в бытность Советского Союза*. Люди старшего возраста слово *нужно* в роли прилагательного употребляют с ударным окончанием: *Мне **нужно́** это письмо*; а в роли наречия – с ударением на основе: *Мне **нужно** прочитать это письмо*. Сейчас в обоих случаях ударение ставят на основе: *Мне **нужно** это письмо*. Язык уже грамматикализовал эту реализацию прилагательного. Таким образом, вопросы нормы требуют своего изучения, чего еще нет в нашей грамматике (Vsevolodova “Jazyk: norma i uzus”).

Как было сказано выше, Язык есть единица мироздания. Его основными структурами являются поля и дискретные единицы разных уровней, образующие множества, часто пересекающиеся между собой. Эти пересечения далеко не всегда отмечены в наших грамматиках. Приведём примеры.

V. Работа над предлогами вывела нас на числительные (см. выше – предлоги в функции конкретизаторов), которые, в свою очередь, показали специфику с/с с числительными – квантитативов³. А квантитативы оказались множеством, пересекающимся с несколькими категориями. Покажем их.

³ Следует сказать, что наш материал показал, при сохранении разделения с/с и предложений категорией предикативности, выявленной В.В. Виноградовым, необходимость, во-первых, более широкого понимания категории с/с, нежели это представлено у В.В. Виноградова (Vinogradov); а во-вторых, перестановка и расстановка слов в с/с оказались не их разрушением, а механизмом актуального членения, теснейшим образом связанным с интонацией. См. (Vsevolodova

1. Как известно, категория одушевлённости как категория есть только в русском языке (в болгарском она проявляется только в одном сохранившемся падеже – звательном). Оказывается, что с числительными *два, три, четыре* и *двое, трое, четверо* эта категория факультативна: *корова родила четыре телёнка / четырёх телят / четверо телят / четверых телят*; *Анна воспитала две дочки / двух дочек / двоих дочек. Он привёл к нам три своих брата / трёх своих братьев / трое своих братьев / троих своих братьев*. С числительными *пять – десять* одушевлённость может быть выражена (факультативно) в квантитативах с собирательными числительными: *Преподаватель уже проэкзаменовал пять студентов / пятеро / пятерых студентов*. От *одинадцать* и выше категория одушевлённости не реализуется: *Я сегодня проэкзаменовал пятнадцать студентов*. Впрочем, в речи естественного общения встречается и такое: *Предупреждаю всех пятидесятерых*. Это и есть пересечение категорий одушевлённости и количественности, где грамматикализуются случаи невыражения одной из важнейших грамматических категорий русского языка. Подробнее о числительных и категории количественности в русском языке см. (Vsevolodova “Specifika kategorii kolichestvennosti”; Vsevolodova “Kategorija kolichestvennosti v slavjanskijh jazykah”).

2. Как уже сказано выше, наш материал показал, что *с/с* в славянских языках теснейшим образом связаны с актуальным членением (АЧ) и, по сути, наряду с интонацией это такой же важный механизм его реализации. В предложении *Я читаю интересную книгу* в нейтральной его реализации *с/с интересную книгу* находится в реме, словоформа *книгу* произносится с ИК-1, и всё *с/с* произносится как одна интонаема. Это предложение о том, “кто читает” (тема) и “что читают” (рема); или ответ на вопрос *Что ты делаешь? Или Что ты читаешь?* Но темой может стать и словоформа *книгу*: *Книгу (ИК-3) я читаю интересную (ИК-1)*; – предложение о том, какую книгу читают. Во всех неславянских языках (с грамматикализованным порядком членов предложения) здесь будет, как правило, сложное предложение типа *Книга, которую я читаю, интересная*. Таким образом, расстановка компонентов *с/с* меняет здесь АЧ. Соотнесенность падежных форм *с/с* не меняется. В синтаксисе оба варианта относятся к одной и той же форме – то же можно сделать с квантитативом: *На столе лежит пять книг. – Книг на столе лежит пять*. Соответственно, эту реализацию можно рассматривать как актуализационный вариант первой модели. Но абсолютно системные для русского языка предложения: *Книг на столе лежит одна / две / три / четыре / двадцать одна / тридцать две / сто четыре* нельзя реализовать с той же формой существительного по типу *На столе лежит пять книг*, сохраняя ту же форму существительного: **На столе лежит одна / две / три / четыре книг*. Но это одна из системных моделей русского предложения. Соответственно, предложения с числительными от *пять* и выше представляют собой зону пересечения моделей предложения, или даже моделей предложения и *с/с*, а предложения с *одна-четыре* суть грамматикализованные модели предложения с типовым значением “субъект и его количество”, ср.: *Книг – много / не пересчитать / с ума сойти / всего ничего*.

3. Академическая Грамматика русского языка вывела дробные числительные из категории частей речи (ЧР) и перевела в *с/с*, поскольку в состав дроби можно вставить союз *и*: *три целых и пять десятых*. Соответственно структуры без союза *и* тоже суть словосочетания. При этом количественные числительные, в том числе и составные остались главным разрядом ЧР “числительное”. Но в южнославянских языках, как известно, в составных числительных названия единиц присоединяются к предшествующему слову союзом *и*: *двадесет и еден, сто и пет*. То же самое в немецком языке, хотя там они пишутся в одно слово *einundzwanzig*. Значит ли это, что в южнославянских языках нет составных числительных? Каждое составное числительное называет одно число и представляет собой одно целое. И очевидно, что составные числительные (и количественные, и порядковые) – это пересечение категорий ЧР и *с/с*.

4. Как известно, в старославянском языке и в старорусском (как и в других славянских в прежнее время) категории числительных не было. Слова *один, два, три, четыре* относились и относятся к адъективам, а слова от *пять* и выше были существительными, называющими числа, еще в XVIII в. Все слова типа *пять, десять* были существительными жен. р., ср. пример из документа 1731 г.: *Купиль другую тридцать коровь*; из новгородских грамот: *Пришли ещё одну десять лососей*. Именно поэтому существительное при них стоит в Род. п. мн. ч. Сейчас это другая ЧР, но слова *тысяча, миллион* и сейчас воспринимаются как существительные. И таких слов много: *единица, двойка, тройка, десятка / десяток, пятёрка / пяток, сотня, двадцатка*. То же и в других славянских языках. В польском есть существительные, образованные от числительных второго десятка: *jedenastka, trzynastka* и др. Если квантитатив с таким существительным выступает в позиции подлежащего, в русском языке при ед. ч. в пр. вр., где глагол согласуется с числительным по роду, а не по лицу, возможны три формы глагола: *Тысяча лет прошла*; – *Тысяча лет прошло*; – *Тысяча лет прошли*; *Лежал пяток сиротливых букетов, принесенных репортерами*; – *В сумке лежало пяток гранат. – На полках лежали пяток искорёженных пишущих машинок*. В наст. и буд. вр. возможны две формы: *пройдёт / пройдут тысяча лет*; *сидит / сидят тройка ребятшек*. Со мн. ч. возможно ед. ч. Ср: *На этот концерт ежегодно приходит тысячи москвичей* (С.С. Собянин). Как видим, закон согласования по числу и роду здесь действует совершенно иначе. Но это системное употребление, и отнести их к грамматическим ошибкам нельзя. Это грамматикализованные реализации, показывающие, что такого рода существительные образуют зону пересечения с числительными.

“Opisatel'nye predikaty”; Vsevolodova “Grammatika slovosocetanj”; Vsevolodova “Slovosocetanie v novoj paradigme grammatiki”).

Выше приведено лишь несколько примеров, где язык закрепил в своей системе, грамматикализовал структуры, вроде бы нарушающие основные грамматические правила данного языка. В каждом из даже близких языков возможны свои варианты грамматикализации. Влиять на это могут как языковое сознание носителей языка (переосмысление формы дв. ч. муж. р. в род. п. ед. ч.), так и другие языки. Так, только в русском языке есть модель типа *У Маши голубые глаза*. Уже во всех славянских и неславянских языках здесь выступает модель типа украинской *Марія має блакитне очі*. Модель с так называемым у-локализатором (Arutjunova “Predlozhenie i ego smysl”; Arutjunova “Russkie predlozhenija”) из всех славянских языков есть только в русском языке, и это влияние угорских языков, с которыми северо-восточная Русь дружно живет с момента, когда русичи пришли сюда из Киевской Руси, и где угры – монгольское племя – жили уже два столетия, постепенно разделяясь и продвигаясь на запад. В венгерском языке (слово *венгры* – польский вариант русского и угорского *угры*) приведенной выше модели соответствует *Маше глаз голубой*.

И думается, есть еще один, возможно, самый главный вывод из нашего материала, а именно: абсолютно правы наши болгарские коллеги, выделяющие не две, а три формы числа в категории существительного: единственное, множественное и счётное множество. По крайней мере, для всех славянских языков введение в грамматику существительного употребление квантитатива в этой функции представляется необходимым.

Таковы проблемы своего рода механизмов формирования грамматики каждого языка и языков вообще, без выявления которых невозможно выявить систему каждого языка (Vsevolodova “Jazyk kak sistema”).

References

- Aksakov, Konstantin. *Opyt russkoj grammatiki. Imja. (Essay on Russian Grammar. Name)* Moscow, 2011. Print.
- Amiantova, Emma, and Galina Bitehtina, Maya Vsevolodova, Lyubov Klobukova. “Funkcional'no-kommunikativnaja lingvodidaktičeskaja model' jazyka kak odna iz sostavljajushchih sovremennoj lingvističeskoj paradigmy (stanovlenie special'nosti «Russkij jazyk kak inostrannyj») (Functional-Communicative Linguistic Didactic Model of Language as one of the Components of Modern Linguistic Paradigm (Formation of the Speciality “Russian as a Foreign Language”))”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 6 (2001): 215–33. Print.
- Apresjan, Yuriy. *Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka (Lexical Semantics. Synonymic Linguistic Means)*. Moscow, 1974. Print.
- Arutjunova, Nina. *Predlozhenie i ego smysl (Sentence and Its Sense)*. Moscow: Nauka, 1976. Print.
- Arutjunova, Nina, and Evgeniy Shirjaev. *Russkie predlozhenija, bytijnnyj tip (Russian Sentences, Existential Type)*. Moscow, 1983. Print.
- Bogorodickij, Vasilij. *Obshhij kurs russkoj grammatiki (General Course of Russian Grammar)*. Moscow, 1935. Print.
- Bondarko, Aleksandr. “K probleme funkcional'no-semantičeskich kategorij (Glagol'nyj vid i «aspektual'nost») v russkom jazyke (To the Issue of Functional-Semantic Category (Verb Aspect and Aspectuality in the Russian Language))”. *Voprosy jazykoznanija (Issues of Linguistics)* 2 (1967). Print.
- Bondarko, Aleksandr. *Teorija funkcional'noj grammatiki (Theory of Functional Grammar)*. Vol. 1–6. Saint-Petersburg. 1986–1996. Print.
- Bulygina, Tatiana, and Aleksey Shmelev. *Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) (Linguistic Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar))*. Moscow, 1997. Print.
- Florinskij, Timofey. *Lekcii po slavjanskomu jazykoznaniju (Lectures on Slavonic Linguistics)*. Vol. 1. *Bolgarskij, serbo-horvatskij, slovinskij (Bulgarian, Serbian and Croatian, Slovenian)*. Kiev, 1895. Print.
- Florinskij, Timofey. *Lekcii po slavjanskomu jazykoznaniju (Lectures on Slavonic Linguistics)*. Vol. 2. *Severozapadnye slavjanskije jazyki (cheshskij, slovackij, pol'skij, kashubskij, serboluzhickij i polabskij) (Northern-Western Slavonic Languages (Czech, Slovak, Polish, Kashub, Sorbian and Polabian))*. 1897. Print.
- Humboldt, Wilhelm von. *Gesammelte Werke*. Vol. 1–7. Berlin, 1841–1852. Print.
- Izotov, Andrey. *Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imperativnosti v sovremennom cheshskom jazyke kak pragmalingvističeskij fenomen (Functional-Semantic Category of Imperative in the Modern Czech as a Pragmalinguistic Phenomenon)*. Diss. Moscow, 2007. Print.
- Kacnel'son, Solomon. *Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie (Typology of Language and Linguistic Thought)*. Leningrad, 1972. Print.
- Kibrik, Aleksandr. *Očerki po obščim i prikladnym voprosam jazykoznanija: universalnoe, tipovoe i spetsifičnoe v jazyke*. Moscow: Izd-vo MGU, 1992. Print.
- Kovtunova, Irina. *Sovremennyj russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenija (Modern Russian. The Order of Words and Actual Articulation of Sentence)*. Moscow, 1976. Print.
- Lariohina, Natalya. “Osobennosti izučeniija sintaksisa nauchnogo stilja reči (Peculiarities of Study of Scientific Speech Style Syntax)”. *V pomoshh' prepodavatelju russkogo jazyka kak inostrannogo (Aid for Teacher of Russian as a Foreign Language)*. Moscow: Izd-vo MGU, 1964. Print.

- Lariohina, Natalya, and others. *Sbornik uprazhnenij po sintaksisu nauchnoj rechi (Collection of Exercises of Scientific Speech Style Syntax)*. Moscow: Izd-vo MGU, 1965. Print.
- Lariohina, Natalya. *Voprosy sintaksisa nauchnogo stilja rechi (Issues of Scientific Speech Style Syntax)*. Moscow, 1979. Print.
- Lekant, Pavel. *Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke (Syntax of Simple Sentence in the Modern Russian)*. Moscow, 1974. Print.
- Lomtev, Timofey. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii (Sentence and Its Grammatical Categories)*. Moscow, 1972. Print.
- Maysak, Timur. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii*. Diss. Moscow, 2002. Print.
- Markus, Stanislav. "Lingvisticheskiy aspekt logicheskikh oppozitsij (Linguistic Aspect of Logical Oppositions)". *Problemy strukturnoj lingvistiki (Issues of Structural Linguistics)*. Moscow, 1963. Print.
- Matezius, Vilem. "O tak nazyvayemom aktual'nom chlenenii v predlozhenijah (About So-Called Actual Articulation in Sentences)". *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhok (Prague Linguistic Circle)*. Moscow, 1964. Print.
- Nikolaeva, Tatiana. *Neparadigmaticeskaja lingvistika (Istorija «bluzhdajushhih edinic») (Non-Paradigmatical Linguistics (History of "Wandering Units"))*. Moscow, 2008. Print.
- Obnorskij, Sergey. *Imennoe sklonenie v russkom jazyke (Nominal Declension in Russian)*. Vol. 2. Moscow, 1941. Print.
- Obnorskij, Sergey. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka starshego perioda (Essays on History of Literary Russian of Older Period)*. Moscow-Leningrad, 1946. Print.
- Omel'chenko, Viktor. *Vedy gimnov i drevnerusskogo jazyka (Vedy of Anthems and Old-Russian Language)*. M: URSS, 2016. Print.
- Peshkovskij, Aleksey. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii (Russian Syntax in the Scientific Interpretation)*. Moscow, 1938. Print.
- Peshkovskij, Aleksey. *Obyektivnaja i normativnaja tochka zrenija na jazyk (Objective and Normative Viewpoint on the Language)*. Moscow, 2010. Print.
- Potebnja, Aleksandr. *Mysl' i jazyk (Thought and Language)*. Moscow, 2007. Print.
- Selishhev, Afanasiy. *Slavjanskoe jazykoznanie (Slavonic Linguistics)*. Vol. 1. *Zapadnoslavjanskije jazyki (Western-Slavonic Languages)*. Moscow, 1941. Print.
- Sirotnina, Olga. *Russkij jazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski (The Russian Language: System, Usage and Created Risks)*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. Print.
- Sobolevskij, Aleksey. *Lekcii po istorii russkogo jazyka (Lectures on History of Russian)*. Moscow, 2005. Print.
- Tihomirova, Tatiana. *Problemy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom jazyke (Issues of Adverbialization of Instrumental Non-Prepositional Case in Polish)*. Diss. Moscow, 1972. Print.
- Vinogradov, Vladimir. "Voprosy izuchenija slovosochetanj (na materiale russkogo jazyka) (Issues of Collocation Study (Based on Russian))". *Voprosy jazykoznanija (Issues of Linguistics)* 3 (1954). Print.
- Vsevolodova, Maya. *Teorija funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa (Theory of Functional-Communicative Syntax)*. Moscow, 2000. Print.
- Vsevolodova, Maya. "Polja, kategorii i koncepty v grammaticheskoj sisteme jazyka (Fields, Categories, and Concepts in the Grammatical System of Language)". *Voprosy jazykoznanija (Issues of Linguistics)* 3 (2009). Print.
- Vsevolodova, Maya. "K voprosu ob operacional'nyh metodah kategorizatsii predlozhnyh edinic (To the Issue of Operational Methods of Prepositional Units Categorization)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 3 (2011). Print.
- Vsevolodova, Maya. "Slovosochetanie v novej paradigme grammatiki (Collocation in the New Paradigm of Grammar)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 1 (2012). Print.
- Vsevolodova, Maya. "Specifika kategorii kolichestvennosti v slavjanskijh jazykah: chislitel'nye, kvantitativy, schjotnoe mnozhestvo i izmenenija v paradigmatiche russkijh chislitel'nyh. Funkcional'no-kommunikativnaja grammatika. (Specificity of the Category of Quantitativity in Slavonic Languages: Numerals, Quantitatives, Denumerable Set and Changes in Paradigmaticity of Russian Numerals. Functional-Communicative Grammar)." *Mul'tijazychnyj nauchnyj jelektronnyj zhurnal 'Stephanos' (Multilingual Scientific Online Journal 'Stephanos')* 2 (2013). Print.
- Vsevolodova, Maya. "Kategorija kolichestvennosti v slavjanskijh jazykah: chislitel'nye i kvantitativy (Category of Quantitativity in Slavonic Languages: Numerals and Quantitatives)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 6 (2013). Print.
- Vsevolodova, Maya. "Jazyk: norma i uzus (podhody k sisteme jazyka) (Language: Norm and Usage (Approaches to the System of Language))". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 6 (2015). Print.
- Vsevolodova, Maya. "Jazyk kak sistema i problemy obyektivnoj grammatiki (Language as a System and Issues of Objective Grammar)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 3 (2016). Print.

Vsevolodova, Maya, and Vera Kuz'menkova. "Opisatel'nye predikaty kak fragment russkoj sintaksicheskoj sistemy (Descriptive Predicates as a Fragment of Russian Syntactic System)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 5 (2003). Print.

Vsevolodova, Maya, and Elena Kulikova. "Grammatika slovosochetanj v kontekste funkcional'no-kommunikativnoj lingvodidakticheskoj modeli jazyka (Grammar of Collocations in the Context of Functional-Communicative Linguistic Didactic Model of Language)". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologija (Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology)* 4 (2009). Print.

Vsevolodova, Maya, and Olga Kukushkina, Anatolij Polikarpov. "Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funkcional'no-grammaticheskomu opisaniju real'nogo upotreblenija (Russian Prepositions and Means of Prepositional Type. Materials for Functional-Grammar Description of Real Usage)". Volume 1. *Vvedenie v obyektivnuju grammatiku i leksikografiju russkih predloznych edinic (Introduction to Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units)*. Moscow: URSS, 2013. Print.

Vsevolodova, Maya, and Kim Tje Chzhin. *Sistema znachenij i upotreblenij form nastojashhego vremeni russkogo glagola (v zerkale korejskogo jazyka). Fragment fundamental'noj prikladnoj grammatiki (System of Meanings and Usages of Present Tense Forms of Russian Verb (in the Mirror of Korean). Fragment of Fundamental Applied Grammar)*. Moscow: URSS, 2015. Print.

Zalznjak, Andrey. "Russkoe imennoe slovoizmenenie" s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju ("Russian Nominal Inflection" with Addition of Selected Works on Modern Russian and General Linguistics). Moscow, 2002. Print.

Zolotova, Galina. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka (Essay on Functional Syntax of the Russian Language)*. Moscow: Nauka, 1973. Print.

Надійшла до редакції 27 серпня 2017 року.

SLAVIC LANGUAGES: OBJECTIVE GRAMMAR AND GRAMMATICAL CATEGORIES

Maya Vsevolodova

Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia

Abstract

Background: The process of forming forms, structures and categories by the language is a process and, at the same time, a category of *grammaticalization*. Prepositional units are a strictly categorized structure, with respect to which the definition of a bi-unity in the language of the field and category is justified.

Purpose: The analysis is devoted to some questions of modern grammar in their relation to the Slavic languages and in relation to the Slavic languages to languages of other types.

Results: As practical material shows, both categories and paradigms have a field character and intersection zones, which are difficult to explain and sometimes to understand, within the framework of traditional grammar, which confirms the notion of the Language as a structure of the universe. In Russian philology there is no such a direction as normativistics, and the same word forms are often even evaluated among philologists in different ways. The Language is fixed in its system, grammaticalized structures that seem to violate the basic grammatical rules of the given language. In each of even close languages, there are possible variants of grammaticalization. Both, the language consciousness of native speakers and other languages, can influence this.

Our Bulgarian counterparts are absolutely right, singling out not three, but three forms of a number in the noun category: a single, plural and countable set. At least for all Slavic languages, the introduction of a quantitative in the grammar of a noun seems to be necessary in this function. Such are the problems of a kind of mechanisms for formation of the grammar of each language and languages in general, without revealing of which it is impossible to reveal the system of each language.

Discussion: The language of fiction and what is considered to be a "literary language", firstly, does not encompass the real usage of language of various professions and specialties, where in the scientific and professional speech are systematically used "non-normative" word forms and constructions, some of which we will show below, if we take into account all the realizations, that are a part of the paradigm of this unit. Secondly, in various regions of Russia, as a system there are such realizations, that are not marked in dictionaries.

Keywords: objective grammar, grammar of preposition, functional-communicative linguodidactic model of language, category of grammaticalization.

Vitae

Maya Vsevolodova is Doctor of Philology, Professor, Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, MV Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Correspondence: maya133@mail.ru